
БИБЛИОФИЛ

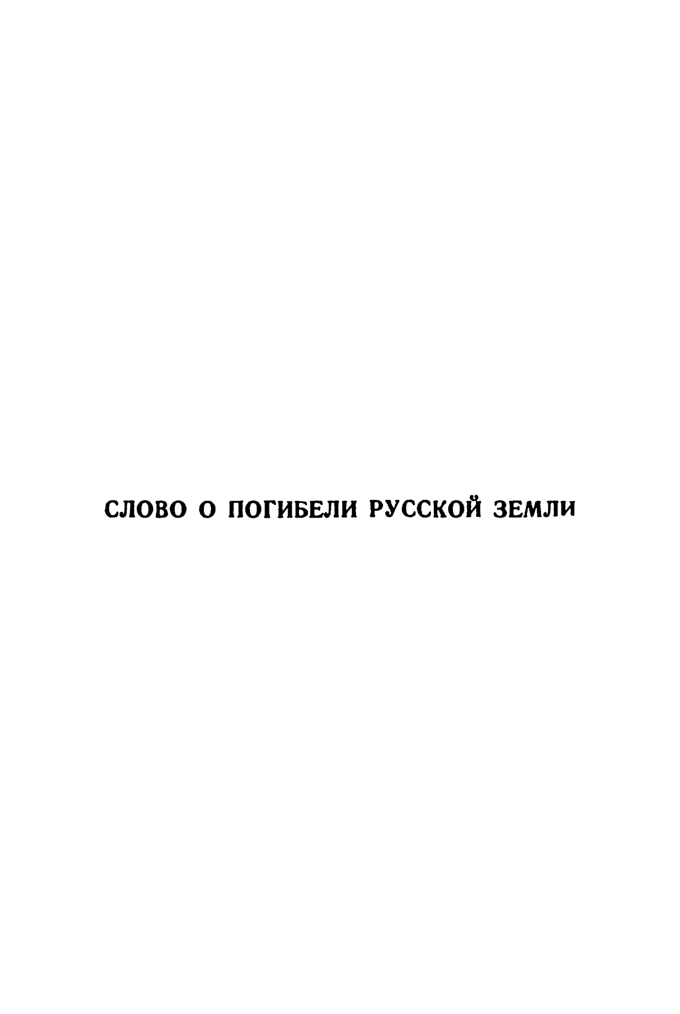
АЛЕКСѢЙ РЕМИЗОВЪ

ОГНЕННАЯ РОССІЯ

ИЗДАТЕЛЬСТВО „БИБЛІОФИЛЪ"
РЕВЕЛЬ

Посвящаю

С. П. Ремизовой-Довгелло

СЛОВО О ПОГИБЕЛИ РУССКОЙ ЗЕМЛИ

Широка раздольная Русь, родина моя, принявшая много нужды, много страсти, — вспомянуть невозможно, — вижу тебя, оставляешь свѣтъ жизни, въ огнѣ поверженная.

Были будни, трудъ и страда, а бывалъ и праздникъ съ долгой всенощной, съ обѣднями, а потомъ съ хороводомъ громкимъ, съ шумомъ, съ качелями.

Былъ голодъ, было и изобиліе.

Были казни, была и милость.

Былъ застѣнокъ, былъ и подвигъ: въ жертву приносили себя ради счастья народнаго.

Гдѣ нынѣ подвигъ? гдѣ жертва?

Гарь и гикъ обезьяній.

Было униженіе, была и побѣда.

Безумный ѣздокъ, хочешь за море прыгнуть изъ желтыхъ тумановъ гранитнаго любимаго города, несокрушимаго и крѣпкаго, какъ Петровъ

камень, — надъ Невою, какъ вихрь, стоишь, вижу тебя и во снѣ и въ явь.

Братъ мой безумный — несчастливъ часъ! — твоя Россія загибла.

Я кукушкой кукую въ опустѣломъ лѣсу твоемъ, гдѣ гніетъ палый листъ: Россія моя загибла.

Было лихолѣтье, былъ Разстрига, былъ Воръ, замутила смута русскую землю, развалилась земля, да поднялась, снова стала Русь стройна, какъ ниточка, — поднялись русскіе люди во имя русской земли, спасли тебя: брата родного выгнали, краснозвонный Кремль очистили — не стерпѣлось братнино иго иновѣрное.

Была вѣра русская искони изначальная.

Много знаютъ поволжскіе лѣса до Желѣзныхъ воротъ, много слышали горячихъ молитвъ, какъ за вѣру русскую въ срубахъ сжигали себя.

Гдѣ ты, родная твердыня, Послѣдняя Русь?

Я не услышу твоего голоса, нѣтъ, не доноситъ и гари срубной изъ поволжскихъ лѣсовъ.

Или въ мать-пустыню, покорясь судьбѣ, ушли твои вѣрные сыны?

Или нѣтъ больше на Руси — Послѣдней Руси безстрашныхъ вольныхъ костровъ?

Былъ на Руси Каинъ, креста на немъ не было, своихъ предавалъ, а и онъ любилъ въ проклятомъ грѣхѣ своемъ свою мать Россію, сложилъ пѣсни неизбывныя:

У Троицы у Сергія было подъ Москвою...

Или другую — на костеръ пойдешь съ этой пѣсней:

Не шуми, мати, зеленая дубровушка...

*

Широка раздольная Русь моя, вижу твой краснозвонный Кремль, твой бѣлоснѣжный, какъ непорочная дѣвичья

грудь, златокровельный соборъ Благовѣщенья, а не вѣститъ мнѣ серебряный ясакъ, не звонитъ красный звонъ.

Или заглушаетъ его свистъ несносныхъ пуль, обезпощадившій сердце міра всего, всей земли?

Одинъ слышу обезьяній гикъ.

Ты горишь—запылала Русь—головни летятъ.

А до вѣка было такъ: было увѣрено—стоишь и стоять тебѣ, Русь широкая и раздольная, неколебимою во всей нуждѣ, во всѣхъ страстяхъ.

И покрой твое тѣло короста шелудивая, буйный вѣтеръ сдуетъ съ тебя и коросту шелудивую, вновь свѣтла, еще свѣтлѣй, вновь радостна, еще радостнѣй возстанешь надъ лѣсами своими дремучими, надъ степью ковылевою, взбульливою.

Такъ пошло, такъ думали, и такая крѣпла вѣра въ тебя.

Человѣкоборцы безбожные, на землѣ мечтающіе создать рай земной, жены и

мужи праведные въ любви своей къ человѣчеству, вожди народные, только счастья ему желавшіе, вы, дѣлая дѣло свое, сѣя вражду, вы по кусочкамъ вырывали вѣру, не замѣтили, что съ вѣрою гибла сама русская жизнь.

Нынѣ въ сердцевинѣ подточилась Русь.

Вожди слѣпые, что вы надѣлали?

Кровь, пролитая на братскихъ поляхъ, обезпощадила сердце человѣческое, а вы душу вынули изъ народа русскаго.

И вотъ слышу обезьяній гикъ.

Русь моя, ты горишь!

Русь моя, ты упала, не поднять тебя, не подымешься!

Русь моя, русская земля, родина безващитная, обезпощаженная кровью братскихъ полей, подожжена горишь!

*

О, моя родина обреченная, пошатнулась ты, неколебимая, и твоя багряница царская упала съ плечъ твоихъ.

За какой грѣхъ или за какую смертную вину?

За то ли, что клятву твою сломала, какъ гнилую трость, и потеряла вѣру послѣднюю, или за кровь, пролитую на братскихъ поляхъ, или за кривду—сердце открытое не разъ на крикъ кричало на всю Русь: „нѣтъ правды на русской землѣ!“ — или за исконное безумное свое молчаніе?

Ты и нынѣ, униженная, затоптанная, когда пинаютъ и глумятся надъ святыней твоей, ты и нынѣ безгласна.

Безумное молчаніе вѣрныхъ сыновъ твоихъ вопіетъ къ Богу, какъ смертный грѣхъ.

О, моя родина поверженная, ты руки свои простираешь — —

Или тебя посѣтилъ гнѣвъ Божій — Богъ послалъ на тебя мечъ свой?

О, моя родина безсчастная, твоя бѣда, твое разореніе, твоя гибель — Божье посѣщеніе. Смирись до послѣдняго конца, прими бѣду свою—не бѣду, ми-

лость Божію, и страсти очистятъ тебя, обѣлятъ душу твою.

Скажу тебѣ со всей болью моей — не лиха, только добра и тишины я желаю тебѣ — духа нѣтъ у меня: что я скажу въ защиту народа моего? И стыдно мнѣ — я русскій, сынъ русскаго.

О, моя родина горемычная, мать моя униженная.

Припадаю къ ранамъ твоимъ, къ горящему лбу, къ запекшимся устамъ, къ сердцу, надрывающемуся отъ обиды и горечи, къ глазамъ твоимъ изсѣченнымъ — —

Я не разъ отрекался отъ тебя въ тѣ былые дни, грознымъ словомъ Грознаго въ отчаяніи задохнувшагося сердца моего проклиналъ тебя за крамолу и неправду твою.

„Я не русскій, нѣтъ правды на русской землѣ!“

Но теперь — нѣтъ, я не оставлю тебя и въ грѣхѣ твоемъ, и въ бѣдѣ твоей, вольную и полоненную, свободную и

связанную, святую и грѣшную, свѣтлую и темную.

И мнѣ ли оставить тебя, — я русскій, сынъ русскаго, я изъ самыхъ нѣдръ твоихъ.

На звѣзды твои молчаливыя я смотрѣлъ изъ колыбели своей, слушалъ шумъ лѣсовъ твоихъ, тосковалъ съ тобой подъ завываніе снѣжныхъ бурь твоихъ, я леталъ съ твоей воздушной нечистью по дикимъ горамъ твоимъ, по гоголевскимъ необозримымъ степямъ.

Какъ же мнѣ покинуть тебя?

Я несъ тебѣ уборы драгоцѣнные, чтобы стала ты свѣтлѣе и радостнѣй. Изъ твоихъ же камней самоцвѣтныхъ, изъ жемчуговъ — словъ твоихъ, я низалъ бѣлую рясну на твою нѣжную грудь.

О, родина моя обреченная, покаранная, жестокой милостью надѣленная ради чистоты сердца твоего, поверженная лежишь ты на муравѣ зеленой, вижу тебя, въ гари пожаровъ подъ пулями, и косы твои по землѣ разсыпались.

Я затеплю лампаду моей вѣры страдної, буду долгими ночами трудными слушать голосъ твой, сокровенная Русь моя, твой ропотъ, твой стонъ, твои жалобы.

Ты и поверженная, искупающая грѣхъ свой, навсегда со мной останешься въ моемъ сердцѣ.

Ты канешь на дно свѣтлая.

О, родина моя обреченная, Богомъ покаранная, Богомъ посѣщенная!

Сотрутъ имя твое, сгинешь, и стояла ты или не было, кто вспомянетъ? Я душу сохраню мою русскую съ вѣрой въ правду твою страдную, сокрою въ сердцѣ своемъ, сокрою память о тебѣ, пока слово мое, рѣчь твоя будутъ жить на трудной крестной землѣ, замолкающей безъ подвига, безъ жертвы, въ безпѣсеньи.

*

Ободранный и нѣмой стою въ пустынѣ, гдѣ была когда-то Россія.

Душа моя запечатана.

Все, что у меня было, все растащили, сорвали одежду съ меня.

Что мнѣ нужно? — Не знаю.

Ничего мнѣ не надо. И жить не зачѣмъ.

Злоба кипитъ въ душѣ, кипитъ безсильная; вѣдь, полжизни сгорѣло изъ-за той Россіи, которая обратилась теперь въ ничто, а могла бы быть всѣмъ.

Хочу неволи вмѣсто свободы, хочу рабства вмѣсто братства, хочу узъ вмѣсто насилія.

Опостылѣла бездѣльность людская, похвальба, залетное пустое слово.

Скорбь моя безпредѣльная.

Нѣтъ вѣры въ Россіи, нѣтъ больше церкви, это ли церковь, гдѣ восхваляютъ временное?

И время пропало, нѣтъ его, кончилось время.

Не гибель страшна, но нельзя умереть человѣку во имя себя самого. Ибо не за что больше умирать, все погибло.

И изъ бездны подымается ангелъ зла

— серебряная пятигранная звѣзда надъ головой его съ семью лучами и страшенъ онъ.

— Погибни во имя мое!

И нѣтъ спасенія свыше.

Злость моя лютая.

И тянется замкнутая слѣпая душа, нѣмыми руками тянется въ безпредѣльность — —

И не проклинаю я никого, потому что знаю часъ, знаю предѣлъ, знаю исполненіе сроковъ судьбы.

Ничто не избѣжитъ гибели.

О, если бы избѣжать ея!

Каждый самъ въ одиночку несетъ бремя проклятія своего — души своей закрытую чашу, боясь расплескать ее.

Тьма вверху и внизу.

И свилось небо, какъ свитокъ.

И нѣту Бога.

Скрылся Онъ въ свиткѣ со звѣздами и солнцемъ и луною.

Черная бездна разверзлась вверху и внизу.

И дьяволъ потерялъ смыслъ бытія своего, повисъ на осинѣ Іуды.

А всѣ зачѣмъ-то еще живутъ.

И чѣмъ громче кричитъ человѣкъ, тѣмъ страшнѣе ему.

Какъ дѣти они, потерявшія мать.

И не понимаютъ той скорби, которая дана имъ.

Скоро настанетъ послѣдній часъ, скоро пробьетъ онъ.

Безъ четверти двѣнадцать.

Слышите! Нѣтъ ничего, ни Кремля, ни Россіи — ровь и гладь.

Приходи и строй! Приходи, кому охота, и дѣлай дѣло свое, — воздвигай новую Россію на мѣстѣ горѣломъ.

А про старое, про бывалое — забудь.

Ты весь Китежъ изводи сѣтями — пусто озеро, ничего не найти.

Единый конецъ безъ конца.

*

Русскій народъ, что ты сдѣлалъ?

Искалъ свое счастье и все потерялъ.

Одураченный, плюхнулся свиньей въ навозъ.

Повѣрилъ — —

Кому ты повѣрилъ? Ну, пеняй теперь на себя, расплачивайся.

Землю ты свою забылъ колыбельную.

Гдѣ Россія твоя?

Пусто мѣсто.

Русскій народъ, это грѣхъ твой непрощаемый,

И гдѣ совѣсть твоя, гдѣ мудрость, гдѣ крестъ твой?

Я гордился, что я русскій, берегъ и лелеялъ имя родины моей, молился святой Руси.

Теперь презираемъ со всѣмъ народомъ несу кару, жалокъ, нищъ и нагъ.

Не смѣю глазъ поднять.

— Господи, что я сдѣлалъ!

И одно утѣшеніе, одна надежда: буду терпѣливо нести бремя дней моихъ, очищу сердце мое и умъ мой помутнѣлый и, если суждено, возстану въ Свѣтлый день.

Русскій народъ, настанетъ Свѣтлый день.

Слышишь храпъ коня?

Безумный ѣздокъ, что хочетъ прыгнуть за море изъ желтыхъ тумановъ, онъ сокрушилъ старую Русь, онъ подыметъ и новую, новую и свободную изъ пропада.

Слышу трепетъ крыльевъ надъ головой моей.

Это новая Русь, прекрасная и вольная, царевна моя.

Русскій народъ, вѣрь, настанетъ Свѣтлый день.

*

Сорвусь со скалы темной птицей тяжелой, полечу неподвижно на крыльяхъ, стеклянными глазами буду смотрѣть въ безпредѣльность, въ черный мракъ полечу я, только бы ничего не видѣть.

Поймите, жизнь наша тянется черезъ силу.

Остановитесь же, вымойте руки, — онѣ въ крови, и лицо, — оно въ дыму пороха!

Земля ушла, отодвинулась.

Земля уходитъ — —

Лечу въ запредѣльности.

На трехъ китахъ жила земля. Былъ безпорядокъ, но и былъ устой: купцы торговали, земледѣльцы обрабатывали землю, солдаты сражались, фабричные работали.

Все перепуталось.

Лечу въ запредѣльности.

Отказаться отъ жизни осязаемой, пуститься въ міръ воздушный, кто это можетъ? И остается упасть червемъ и ползти.

Обгоняю аэропланы.

Стукъ мотора стучитъ въ ушахъ.

Закукурекалъ бы, да головы нѣтъ: давно оттяпана!

Поймите же, быть пришельцемъ въ своей, а не чужой землѣ, это проклятіе.

И это проклятіе — удѣлъ мой.

*

Все разорено, пусто мѣсто, остался столъ — во весь ростъ человѣчій великъ сдѣланъ.

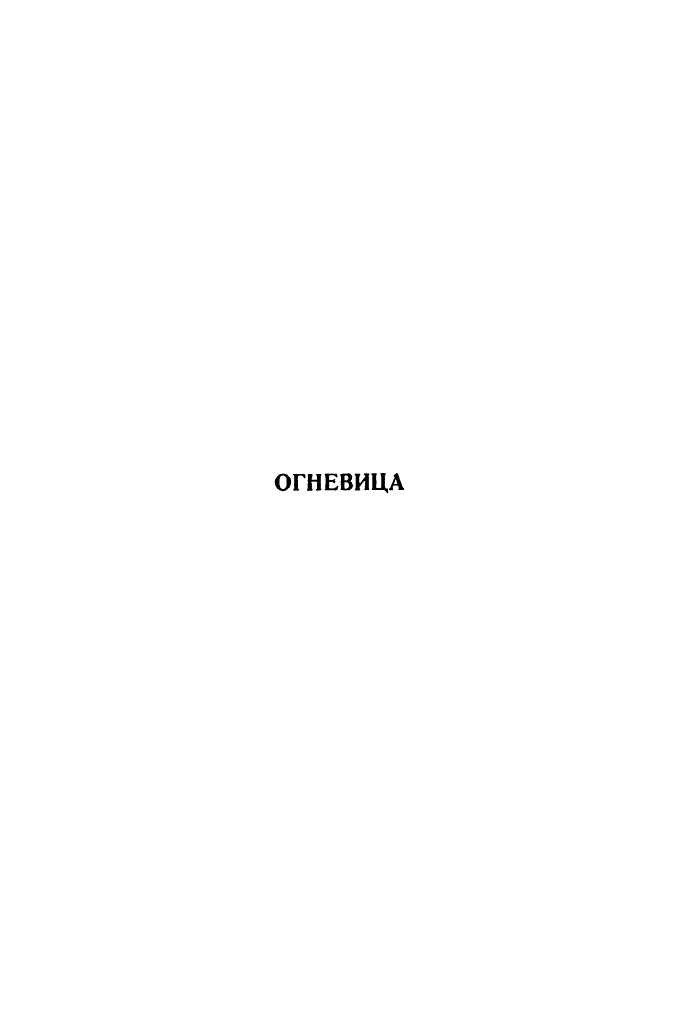
Обнаглѣлые жадно съ обезьяньимъ гикомъ и гоготомъ рвутъ на куски пирогъ, который когда-то испекла покойница Русь — прощальный, поминальный пирогъ.

И рвутъ, и глотаютъ, и давятся.

И съ налитыми кровью глазами грызутъ столъ, какъ голодная лошадь ясли. И норовятъ до чиста слопать все до прихода гостей, до будущихъ хозяевъ земли, которые сядутъ на широкую русскую землю.

В-ѣ-ѣ-ѣ-ч-н-а-я п-а-а-м-я-т-ь.

5 X 1917

ОГНЕВИЦА

Распростертый крестомъ, брошенъ лежалъ я на великомъ полѣ во тьмѣ кромѣшной, на землѣ родной.

Тѣло мое было огромадно, грузно, неподвижно; руки мои—какъ отъ Москвы до Петербурга.

Скованный тяжестью своего поверженнаго тѣла, я лежалъ колодой, одинъ, покинутъ, въ чистомъ полѣ на русской землѣ.

И были ноги мои, какъ отъ гремучей Онеги до тихаго Дона.

Огненная повязка туго—вѣнчикъ подорожный—„Святый Боже"—туго крѣпкимъ обручемъ повивалъ мой лобъ, и сквозь кости пламя жигучимъ языкомъ жгло мнѣ мозгъ.

И вотъ стужа невыносимая, холодъ невозможный—въ звѣздахъ въ крещенскія ночи, помню, ударитъ, бывало, морозъ,—такой вотъ морозъ, но беззвѣзд-

ный, во тьмѣ кромѣшной заледенилъ мое сердце. И я весь такъ и затрясся, такъ всѣмъ своимъ скованнымъ, своимъ брошеннымъ тѣломъ, немилосердно — ув-в-в!— стучу зубами.

И слышу изъ тьмы безпріютной холодной ночи старый дѣдовъ голосъ:

— Собери-ка, сынокъ, кости матери нашей, безсчастной Россіи!

А я трясусь въ злой стужѣ, а жгучій огненный вѣнчикъ жжетъ мнѣ мозгъ, я — кость отъ кости, плоть отъ плоти матери нашей, безсчастной Руси.

И принимаюсь я загребать кости со всего великаго поля въ одну груду.

А ихъ такъ много, костей разныхъ, гору нагоришь.

Загребаю я кости, спѣшу, и знаю, одному никакъ невозможно, и также знаю, что надо, а не соберу — все пропало, знаю, собрать надо все вмѣстѣ и вспрыснуть живой водой, и тогда оживутъ кости и снова станетъ, подымется моя безсчастная, моя покаранная Русь.

— Собирай, сынокъ, потрудись! — слышу опять дѣдовъ старый голосъ.

Подняться бы и все бы, кажется, справилъ, да силъ больше нѣтъ, изъ послѣднихъ, Господи, крестомъ распростертъ лежу въ чистомъ полѣ и нѣтъ силъ подняться.

Загребаю, спѣшу, загребаю — кость къ кости, а конца не вижу.

Совсѣмъ обезсилѣлъ, не могу ужъ.

Пластомъ лежу неподвиженъ.

На минуту стужа отпустила меня и только тутъ горитъ.

Открылъ я глаза, смотрю — —

А на холмикѣ — такъ церковка, а ко мнѣ холмикъ — старикъ, вижу, старый, волоса подъ вѣтромъ растрепались, оборванъ весь, а глаза запали, горемычные.

Да это Никола нашъ, Никола Милостивый, — узнаю я, — вышелъ, стоитъ горемычный надъ поверженной безсчастной Русью.

Тутъ какіе-то парни лѣзутъ на холмикъ, гогочутъ.

И одинъ говоритъ другому:

— Павелъ, дай ему въ морду!

И я вижу—парни лѣзутъ, гогочутъ—а онъ горемычно стоитъ, какъ не видитъ, и вдругъ выпрямился весь и глаза его загорѣлись гнѣвомъ.

А Павелъ — — Павелъ поплевалъ на кулакъ, пригнулся — —

*

— Жажду! Жажду!

Я сползъ съ кровати, поставилъ на спиртовку чайникъ воды себѣ скипятить — утолить мою лютую жажду.

И едва дождался. Казалось, часы прошли, пока не закипѣло.

Стаканъ за стаканомъ—глотаю большими глотками—огненные куски.

Неутолима жажда моя.

— Жажду! Жажду!

Доползъ я до умывальника, открылъ кранъ, полилъ въ пригоршню холодной воды и вода въ рукахъ моихъ обратилась въ пламя.

Пламенемъ я умылся.

— Жажду! Жажду!

Слышу, говорятъ:

— Уксусомъ натереть надо.

А я, валясь на кровать, какъ послѣдней милости прошу:

— Уксусу бы мнѣ выпить.

И тутъ опять стужа напала на меня и затрясла немилосердно, — и я трясусь всѣмъ моимъ измученнымъ тѣломъ, немилосердно — ув-в-в! — стучу зубами.

*

Я вскочилъ съ кровати — моя старая спиртовка пылала: отверстіе, куда вливаютъ спиртъ, забыли закрыть, и вотъ съ двухъ концовъ пылало.

И не духомъ, руками я погасилъ пламя.

Мои руки, какъ пламя.

Кричу:

— Не берите руками горящіе предметы, горячо, обожжетесь!

Но моего голоса не слышно.

И въ тоскѣ смертной я подбираюсь весь, свернулся въ комокъ: стужа хлещетъ меня, а голова, какъ старая моя спиртовка, подожжена съ концовъ пылаетъ, — вотъ разорветъ.

— Пріѣхалъ изъ Москвы скопецъ Иванъ Дмитричъ, — говоритъ сосѣдъ нашъ ближайшій матросъ Микитовъ, — на Москвѣ украли царь-колоколъ.

— Украли царь-колоколъ? — повторяю и обида жжетъ меня, — „когда зазвонитъ царь-колоколъ, возстанутъ живые и мертвые!" Вотъ тебѣ и возстанутъ! А вотъ возьметъ дворникъ метлу хорошую и смететъ всѣхъ воровъ съ русской земли, какъ сохлые листья смететъ въ помойку.

И опять кричу:

— Не берите руками горящіе предметы, горячо, обожжетесь!

Но моего голоса не слышно.

А Разумникъ съ пудовымъ портфелемъ, какъ бѣсноватый изъ Симонова монастыря.

— Это вихрь, — кличетъ онъ, — на Руси крутитъ огненный вихрь. Въ вихрѣ соръ, въ вихрѣ пыль, въ вихрѣ смрадъ. Вихрь несетъ весеннія сѣмена. Вихрь на Западъ летитъ. Старый Западъ закрутитъ, завьетъ нашъ скиѳскій вихрь. Перевернется весь міръ. И у кого есть крылья — —

— Ужъ народъ-то больно дикъ, ничего не подѣлаешь!—горюетъ Шишковъ простуженный.

Тутъ и Замятинъ, вижу, въ сѣренькомъ, только что изъ Англіи вернулся, еще на человѣка похожъ, осторожно прислушивается.

И Хрущевъ сосѣдъ Михаилъ Михайловичъ съ электрическимъ самоваромъ въ рукахъ.

— Михаилъ Михайловичъ, — прошу его, — дайте самоваръ на одну ночь, спиртъ у насъ кончился.

— Я вамъ молока пришлю. Два рубля бутылка.

А самъ крѣпко держитъ самоваръ, не выпуститъ.

— У Ивана Алексѣевича халтура поправляется, — смѣется Микитовъ матросъ, — продалъ два вагона кофею, а кофій — изъ голубинаго помёта.

— Да, какъ сохлые листья въ помойку! — повторяю я, и обида душитъ меня, — погибла Россія наша, погубили Россію, нѣтъ больше Россіи. Послѣднія головни горятъ. И осталось русское сердце — сапогомъ его! — и слово — да чорта съ этимъ словомъ, пиши и говори по-тарабарски! Кара? Нѣтъ, это судъ Божій. Царь-колоколъ воры украли.

И опять кричу:

— Не берите руками горящіе предметы, горячо, обожжетесь!

Но моего голоса не слышно: мое слово воры украли.

И лежу я, свернувшись въ горящій комокъ — послѣдняя головня.

А изъ сосѣдней комнаты слышу разговоръ.

Это дебренскій старецъ Иванъ Александровичъ о Россіи—о чемъ же еще?—о Россіи, вѣдь о ней всѣ думы.

— У Россіи душу вынули.

И слова его, какъ гвозди.

И вдругъ я увидѣлъ—и мнѣ въ огнѣ моемъ стало покойнѣй, — въ ногахъ у меня по стѣнѣ длинная повисла змѣя: голова змѣева, а ротъ человѣчій—внимательно такъ смотритъ, надолго повисла, крѣпко.

И я понялъ: это—стражъ мой, и будетъ со мной неизмѣнно.

И за шкапомъ показались двѣ морды—уши ослиныя, борода козья, а глаза умные песьи — кланяются.

И изъ-за желѣзной печки мелькаетъ и вьется — —

И я понялъ, что мнѣ не подняться.

*

Вижу нашу тѣсную прихожую.

Входитъ Микитовъ Иванъ Сергѣевичъ,

сосѣдъ изъ 41-го, огромный, черный, въ черной балтiйской матроскѣ.

— Я три ночи не спалъ, — говоритъ Иванъ Сергѣевичъ, — мѣста себѣ не нахожу, такъ и побѣжалъ бы. И бѣжалъ бы, пока хватитъ духу. Нѣтъ, Россiя не можетъ погибнуть. Земля наша дремучая — по кустамъ, по ельнику прячется сила дремучая, молчитъ. Только ея имени не знаю. И какъ назвать? Иду я по Невскому, руки горятъ — —

— Иванъ Сергѣевичъ, — говорю, — не расточайте гнѣва своего. Посмотрите прогниваетъ отъ неправды сердце человѣческое. Кровь — три года ножъ и пуля! — кровь и грязь — все хваткомъ, все нахрапомъ, «не обманешь, не купишь!» и нѣтъ милостыни мира, только для себя, — озвѣрѣло сердце наше. Безсовѣстье душитъ Россiю. Гнѣвомъ дремучаго сердца обличите вы эту неправду, эту ложь, мару кровавую.

А онъ ничего. Вышелъ и дверь прихлопнулъ.

И вижу, опять входитъ, несетъ подушку кожаную въ бѣлой наволочкѣ и въ уголъ ее, потомъ принесъ другую. а потомъ третью и все въ уголъ, одну на другую.

Бѣлыя подушки поднимаются въ углу, какъ бѣлая крышка гроба.

Бѣлую крышку гроба вижу въ углу нашей тѣсной прихожей.

*

Лежу въ огнѣ, горю — стужа больше не трясетъ — стрѣляетъ въ ухо, горю.

Горю въ огнѣ. Кашель душитъ, — рветъ глотку. Душитъ ржавь.

И не могу остановиться, не могу остановить мысли: онѣ — какъ вихрь.

И я выговариваю всѣ мои мысли: боюсь, разорветъ.

Я говорю, говорю, говорю и не знаю, чего говорю, я выговариваю мысли:

онѣ — какъ вихрь. Стой, передохнулъ и опять: не то разорветъ, — говорю, говорю, говорю.

Приходятъ въ домъ, слышу, стучатъ дверью, но разговора не слышу, какъ онѣмѣли. Все затаилось, ждутъ чего-то.

Я жду чего-то.

За стѣной, въ сосѣдней квартирѣ, ребенокъ плачетъ, — помню, по веснѣ появился на свѣтъ,—плачетъ и плачетъ. Потомъ дѣвченка-нянька, укачивая, поетъ пѣсню. И мнѣ что-то жалко, жду чего-то и чей-то голосъ зоветъ:

Дамъ тебѣ я на дорогу...

Лежу въ огнѣ, горю. Стрѣляетъ въ ухо. Душитъ ржавь. Горю.

Мой неизмѣнный стражъ—змѣя. Змѣя по стѣнѣ въ ногахъ.

Сѣдой дымъ ползетъ. За дымомъ комната совсѣмъ не та, не узнаю. Просторная и высокая, не та. Сѣдой дымъ ползетъ по потолку.

— Просто, — говорю, — бѣлая рубаха,

кипарисовый сольвычегодскій крестъ, досчатый гробъ.

И чей-то голосъ зоветъ:

Дамъ тебѣ я на дорогу...

И чего-то жду и жалко мнѣ.

Сторожитъ змѣя, горько раскрыта пасть.

И ходятъ по угламъ въ дыму, прячутся, крылятъ. Одинъ, какъ на ходуляхъ, маленькій, пузатый, торчитъ пупокъ.

И опять говорю, говорю, говорю—мои мысли, какъ вихрь: разорветъ—говорю, говорю, говорю.

*

Поздно вечеромъ пріѣхалъ докторъ.

Первый разъ вижу. Аѳонскій Николай Павловичъ, онъ меня знаетъ, пріѣдетъ только завтра. А этого позвали, я понимаю: очень со мной безпокойно.

Докторъ слушалъ, нырялъ, выстукивалъ.

— Крупозное воспаленіе. Лѣвое легкое—на почвѣ алкоголизма.

Тутъ я будто очнулся: всю вижу, комнату нашу, только сквозь дымъ.

— Я не пью, — говорю.

— На почвѣ алкоголизма.

Закрылъ глаза крѣпко и покорился.

А въ домѣ совсѣмъ затихло, и по сосѣдству тихо.

Лежу подъ огненнымъ покровомъ.

— Матерь Божія, спаси, спаси!—слышу неотступно и жарко.

А я покорился. И представляю себѣ— на почвѣ алкоголизма!—какъ ночью иду я будто въ Москвѣ по Долгоруковской, пробираюсь къ знакомому кабаку, гдѣ торгуютъ дольше, чѣмъ въ другихъ. Я знаю такіе кабаки. Осень, грязь, луна серебритъ булыжникъ. Остановился у фонаря, крѣпко зажалъ въ рукѣ мѣдь.

— Матерь Божія, спаси, спаси!—слышу неотступно и жарко.

Зажегъ огарокъ, поставилъ на стулъ, плюхнулся на диванъ. Догораетъ, чадитъ, а потушить не могу, опустилъ я палецъ въ раскаленный подсвѣчникъ.

— Матерь Божія, спаси, спаси!—слышу неотступно и жарко.

Въ отхожее мѣсто въ уголъ запрячу бутылку, запрусь. Господи, измаялся я и нѣтъ мнѣ выхода. И вижу, сижу я будто у Спасской заставы въ Гробу — трактиръ третьяго разряда,—и Мозгинъ Мишка со мной, остекленѣлъ весь, пропиваемъ крестъ. Въ Новоспасскомъ монастырѣ ко всенощной звонятъ.

— Матерь Божія, спаси, спаси!

И не могу я подняться, лежу пригвожденный подъ горящимъ покровомъ, жесткимъ, какъ изъ чертовой кожи, не могу стать съ огненнаго креста моего, изъ костра палящаго, стать на ноги и въ послѣдній разъ поклониться до самой земли сердцу человѣческому, изныв-

шему отъ обиды, утраты, раскаянія, сердцу, задохнувшемуся отъ неправды нашей, сердцу щадящему и жалостливому во власти безпощадной суровой судьбы, сердцу, надрывающемуся въ смертной тоскѣ.

Тройнымъ рыда́ніемъ зарыдалъ бы я — —

*

Пробилъ я черепомъ дно моего досчатаго гроба, полетѣлъ сквозь землю— на мнѣ бѣлая рубаха и крестъ кипарисовый.

Мать сыра-земля!

Внизъ головой лечу въ землѣ черезъ земляную кору — кости и черепа, куски тѣла, персть и прахъ — чую составъ земляной, сырь, чую запахъ земли.

Мать сыра-земля!

Прорѣзаю земляную кору, нѣдра матери земли — песокъ и камень, камень пробилъ, сквозь камень лечу въ огонь.

Огонь, какъ море въ грозу.

Нырнулъ въ огонь.

И иду подъ огнемъ, какъ подъ водой, иду въ самую жгучую глубь. И какъ изъ шайки, меня окачиваетъ огнемъ.

Сердце, какъ голубь, вотъ духъ перервётъ.

И вдругъ вижу, надъ головой синее небо и сквозь небесную синь свѣтятъ звѣзды.

Къ звѣздамъ высоко лечу надъ землей — на мнѣ бѣлая рубаха и крестъ кипарисовый.

Сестры-звѣзды!

Я лечу надъ землей, звѣзды горятъ, и память горитъ, какъ звѣзды, о тѣхъ, кто тоскуетъ, кто не находитъ мѣста себѣ на землѣ, кто глухими ночами безнадежно бьется о стѣнку и проситъ и молитъ безнадежно — —

Сестры-звѣзды!

Въ вихрѣ несусь я за звѣзды — духъ

во мнѣ занялся и сердце стучитъ — въ звѣздномъ вихрѣ несусь я.

Все мнѣ странно—и огненный столпъ, и косматыя звѣзды, и, какъ огонь, золотая парча, и огромныя крылатыя очи.

Золотыя запрестольныя иконы, ликовъ не вижу, золотыя крутятся въ вихрѣ, но я узнаю, это ангелы Божьи.

И я руки мои простираю:

— Здравствуйте, ангелы Божьи!

И подаютъ мнѣ ангелы Божьи свои горячія руки.

И, какъ подожженный, я взвиваюсь огнемъ и огнемъ несусь въ небеса.

⁂

Былъ Николай Павловичъ Аѳонскій. Стучалъ и слушалъ. Какой онъ что-то сурьёзный. Завтра, возможно, наступитъ переломъ. Велѣлъ канфору впрыскивать, и банки.

Когда смерклось, вошелъ Философ-

фовъ. Вошелъ онъ какъ-то бокомъ и сталъ бокомъ, на меня не смотритъ.

Или дымъ мнѣ глаза застилаетъ?

— Дмитрій Владиміровичъ! — говорю: здороваюсь.

И вспоминаю, какъ въ Вологду посылалъ онъ мнѣ „Міръ Искусства", и какъ въ первый разъ я пошелъ къ нему въ Басковъ переулокъ, это въ первый самовольный пріѣздъ мой въ Петербургъ, который я тогда же съ перваго дня полюбилъ.

Хочу спросить о Савинковѣ.

А Философовъ не даетъ говорить мнѣ.

И правда, мнѣ говорить очень трудно.

— Въ Русскомъ историческомъ журналѣ, —говорю,—есть о московской банѣ XVII вѣка. „Бани древяни; пережгутъ каменіе румяно, разволокутся нази, обліются квасомъ усніяномъ, возьмутъ на ся прутье младое, бьются сами..."

И вспоминаю Розанова Василія Васильевича, Егоровскія бани въ Казачьемъ, сосѣди мы были.

— Розановъ въ Сергіевъ посадъ переселился.

И еще хотѣлъ бы я въ послѣдній разъ послушать Прокофьева „Скиѳскую сонату“.

— Я всѣми грѣхами грѣшенъ, но родинѣ и свободѣ я не измѣнялъ.

— Борисъ Викторовичъ, а что такое свобода?

И вижу, стражъ мой—змѣя на стѣнѣ въ ногахъ: горько раскрыла пасть.

— Что такое свобода?

И я ищу такую точку, такъ скорчиться мнѣ и извиться, чтобы упереться и откашлянуться. Ржавь меня душитъ.

— Свобода!—Былъ человѣкъ связанъ и скованъ, освободили: иди, куда знаешь! дѣлай, что хочешь!—ну, веревку и прячешь, а то неровенъ часъ, вонъ крюкъ въ потолкѣ крѣпкій — —

А на волѣ подымается вѣтеръ, въ окно стучитъ, вольный.

Когда ставили банки, очень было

страшно: пламя синимъ языкомъ стоитъ въ глазахъ.

А на волѣ вѣтеръ такъ и рветъ, такъ и стучитъ.

Слышу:

— Печку невозможно топить, очень сильный вѣтеръ.

На волѣ вѣтеръ — всѣ семь братьевъ вихрей — стучитъ желѣзный, крутитъ, вьется надъ домомъ, надъ островомъ, надъ Петербургомъ.

„На Руси крутитъ огненный вихрь. Въ вихрѣ соръ, въ вихрѣ пыль, въ вихрѣ смрадъ. Вихрь несетъ весеннія сѣмена. Вихрь на Западъ летитъ. Старый Западъ закрутитъ, завьетъ нашъ скиѳскій вихрь. Перевернется весь міръ“.

И я ищу такую точку, такъ скорчиться мнѣ и извиться и откашлянуться. Ржавь меня душитъ.

*

Я стою въ горной долинѣ не то въ Шварцвальдѣ, не то въ дикомъ Уралѣ, не то на Алтаѣ.

Тамъ на вершинѣ въ темныхъ тучахъ буря ломаетъ небо и свиститъ вѣтеръ ужасно, вьюжнымъ свистомъ трясетъ долину.

Я весь въ бѣломъ, золотая стрѣла пронзаетъ мнѣ лѣвое ухо, и другая стрѣла въ правомъ боку, и третья вонзается въ самое сердце.

Три гвоздя вбиты мнѣ въ голову и лучами торчатъ поверхъ головы, какъ корона.

Я знаю, я прошелъ черезъ землю, сквозь самыя нѣдра, черезъ огонь, я былъ въ царствѣ звѣздъ и отъ звѣздъ въ звѣздномъ вихрѣ за звѣзды на небесахъ. Я прошелъ всѣ мытарства, я сгорѣлъ на огнѣ моей боли и смертной тоски, я взойду на вершину.

А тамъ шумъ, свистъ, грохотъ, тамъ буря ломаетъ небо.

И я взялъ трость — эта трость была

огромадна, какъ мачта, — я поднялъ ее до самой вершины.

— Эй, кто тамъ, горная сила! Отзовитесь! — крикнулъ я, разсѣкая свистъ вѣтра.

И увидѣлъ, какъ на зовъ мой изъ клубящихся тучъ весь въ малиновомъ наклонился ко мнѣ съ вершины, щурится — носъ утиный.

И я напрягъ всю мою силу, духомъ вбѣжалъ я вверхъ по мачтѣ, и сталъ на вершинѣ.

И стоялъ среди бури подъ обломками неба, затаилъ всю мою боль — сердце мое истекало кровью, изъ прободеннаго ребра сочилось, а голова въ гвоздяхъ пылала.

Я собралъ весь мой голосъ и крикнулъ окровавленному міру:

— Станьте! Останови-тесь! — на четыре стороны кричалъ я съ вершины, и голосъ мой разсѣкалъ свистъ вѣтра, — вы, братья, пробудитесь къ жизни отъ смерти, откройте глаза, залѣплен-

ные братскою кровью, переведите духъ вашъ ожесточенный! Мара кровавая третье лѣто жретъ человѣчье мясо, лакнула крови и пьяна, какъ злосчастье рваное, ведетъ васъ, ослѣпленныхъ рабовъ и безумцевъ: въ рукахъ ея ножъ — на острый ножъ. Вы, братья, въ мірѣ есть правда, не кровава и не алчна, она, какъ звѣзда, кротко свѣтитъ на крестную землю.

Кричалъ, разсѣкая вѣтеръ, я кричалъ всему міру отъ моря до моря.

И слова мои были, какъ кровь, какъ огонь, какъ камень.

И съ словами я выплевывалъ мою кровь и огонь и камень въ жестокую долину, гдѣ рѣшали судьбу бездушный ножъ да безразличная пуля.

А надъ моей головой ломалось небо и свистѣлъ вѣтеръ ужасно.

И вотъ, какъ отъ удара, сшибло и я упалъ.

Свѣтъ свѣтитъ и небо безъ облачка чисто — я лежу у моря на жаринѣ.

Пустынный островъ — Оландскіе острова.

Крупная брусника ковромъ устилаетъ островъ.

Я весь въ бѣломъ, золотая стрѣла пронзаетъ мнѣ ухо и другая прободаетъ мнѣ бокъ и третья вонзилась въ самое сердце, а на головѣ моей три гвоздя лучами, какъ корона.

Я лежу на жаринѣ въ брусникѣ и правое крыло мое виситъ разбито.

*

Фіандрà, содержатель веселаго дома въ Александріи и продавецъ всякихъ восточныхъ лакомствъ, въ воздухѣ раскинулъ надъ землей свою палатку, поставилъ вверхъ ногами — не знаю, чего поставилъ, огоньки какіе-то, — а вверхъ ногами онъ поставилъ т а к ъ, — Фіандрà чего не придумаетъ! —завелъ медвѣдчикъ

свою гнусавую волынку — огоньки замелькали, завыла волынка и все задвигалось, зашевелилось, какъ въ первый день творенія.

И пошла жизнь.

Я прохожу коридоромъ мимо растворенныхъ комнатъ — комнаты биткомъ набиты, и все это москвичи изъ прошлыхъ лѣтъ, я знаю ихъ въ лицо, и не знаю по имени, это съ Бронной и Пречистенки, актеры, актрисы, акробаты, клоуны, натурщицы и просто такъ, жаждущіе искусства, и изъ ночныхъ кофеенъ съ ледяными эфирными руками. Они высовываются изъ дверей, и глаза у всѣхъ раскрыты.

На мнѣ бѣлая рубаха, золотыя стрѣлы и гвозди короной.

— Гдѣ, — говорю, — моя комната?

Тутъ выскочилъ какой-то — сюртукъ на голое тѣло, показываетъ: вонъ та со ступеньками.

Комната со ступеньками, моя комната, тѣсна и безъ оконъ, бѣлая-не бѣлая,

плѣсень густо покрываетъ стѣны, и совсѣмъ пустая, ни стола, ни стула, ничего, и крашеный полъ забрызганъ известкой.

И пала мнѣ на сердце тоска.

Стою, какъ въ погребѣ, — такая тоска! — а за дверью прячутся, подсматриваютъ: «что, молъ, будешь дѣлать въ своей комнатѣ, какъ вывернешься?» — и, слышу, воетъ волынка медвѣдчика.

И не знаю я, на что и рѣшиться, и тоска заливаетъ мнѣ душу.

— Спасите! — Спасите меня! — простеръ я руки мои къ бѣлой сырой стѣнѣ.

И сорвался.

И лечу внизъ головой черезъ глубокую непроглядную тьму, внизъ головой на землю.

И вотъ на землѣ — —

Я лежу на землѣ, обтянутый сырой перепонкой, и не разбитое крыло, прячу я за спиной мою переломанную лягушиную лапку.

Комната освѣщена ярко. Около моей кровати что-то дѣлаютъ, копошатся. Не пойму ничего. Потомъ чувствую, какъ снимаютъ съ меня бѣлье; перемѣнить надо свѣжее.

Кризисъ наступилъ.

И мнѣ горько до слезъ, что упалъ я и не вернуться, что нѣтъ ни крыльевъ, ни золотыхъ стрѣлъ, и тѣхъ словъ не повторить ужъ, а лежу я, обтянутый сырой перепонкой, и прячу за спиной мою перебитую лягушачью лапку.

Посмотрѣлъ я на стѣну, а змѣи нѣтъ, — залила огонь и уползла.

Вижу шкапъ, на шкапу картонка.

И мнѣ горько до слезъ, что лежу я, глотаю ртомъ воздухъ, какъ лягушка.

И въ горечи моей я подбираю мое постылое перепончатое тѣло, чтобы быть совсѣмъ незамѣтнымъ, и ищу такую точку, такъ скорчиться мнѣ и извиться, чтобы легче откашлянуться.

*

День тяжелъ, а ночь для меня ужасна. Я боюсь ея душной: не могу отдохнуть отъ кашля.

И измучилъ я всѣхъ — доконаю.

Верчусь, какъ вьюнъ.

— Простите вы меня за всѣ эти кашли мои!

Подобрался, чтобы незамѣтнѣе быть, совсѣмъ скорчился.

—

Вижу я, Невскій — вода — весь Невскій въ водѣ.

Или Нева разлилась?

А я не боюсь воды, смѣло иду и за мною народъ бредетъ — по-колѣно въ водѣ. Дошли до купаленъ. Тутъ всѣ и разбрелись.

Я дальше пошелъ. А тамъ снѣгъ, тихо падаетъ снѣгъ и ложится на землю чистый, какъ въ крещенскій сочельникъ.

И я чую, тишина, какъ этотъ чистый крещенскій снѣгъ, ложится мнѣ на душу.

*

Какая бѣда! Ночью, — теперь я не такъ уже кашляю, — когда всѣ заснули, прискакала Баба-Яга и подмѣнила мнѣ ногу.

И я ничего ей не могъ: ни сказать, ни остановить. Есть у меня дудочка-кукушка, покуковать бы, да какъ на грѣхъ куда-то засунулъ ее подъ подушку.

И вотъ правая нога у меня не моя, — костяная.

*

Лежу съ костяной ногой.

Въ воскресенье, дастъ Богъ, и встану.

Неловко съ костяной-то, да какъ-нибудь ужъ.

Лежу, потрагиваю ее, костяную, пеняю Ягѣ:

„Ну, что ей за радость, добро бы какую взяла богатырскую, а то...“

Очень мнѣ ѣсть хочется.

Все прошу ухи — демьяновой.

Ужъ ходилъ Иванъ Сергѣевичъ въ Андреевскій рынокъ, да опоздалъ, что-ли, съ пустыми руками вернулся.

А ночью долго я заснуть не могъ: и голодно, и сна мнѣ что-то нѣтъ, Гоголя читалъ, „Вечера“ его чудесные.

И только завелъ глаза, вижу, лежу въ нашей комнатѣ, какъ и въявь лежу, а по бокамъ у кровати черти морскіе. Потрогалъ: черные, шелковые.

— Черти, — говорю, — балтійскіе, наловите мнѣ рыбки!

А они будто и говорятъ мнѣ:

— Никакъ невозможно, завтра воскресенье, а подъ воскресенье заказано намъ рыбку ловить.

*

Въ воскресенье поднялся я, робко пошелъ на своей костяной ногѣ.

Бѣлый свѣтъ — благословенъ ты, бѣлый свѣтъ! — а мнѣ больно смотрѣть.

Не могу я забыть: такъ я измучилъ всѣхъ.

Сестра моя, не достоинъ я рукъ твоихъ и заботъ твоихъ. Прости мнѣ

жестокое слово мое и нетерпѣніе мое. Одинъ виновенъ — одинъ и долженъ нести.

Бѣлый свѣтъ — благословенъ ты, бѣлый свѣтъ! — а мнѣ больно смотрѣть.

10 X 1917

О СУДЬБѢ ОГНЕННОЙ

от слов Гераклита

Есть судъ всего, что дышитъ, живетъ
и растетъ
судъ огнемъ.
Огонь
послѣдній судія — все судитъ и все
разрѣшаетъ.
А молнія — кормчій.

Послѣднее испытаніе
черезъ огонь.
Огнемъ
очищается персть.
А молнія — кормчій.

Пожжетъ огонь все пожигаемое.
Въ огненномъ вихрѣ проба для золота
и гибель пищи земной.
И вмѣсто созданнаго останется
одно созидаемое —
персть и сѣмена для роста.

Все, что дышитъ, живетъ и растетъ,
станетъ дымомъ.
И ты своими ноздрями почуешь:
противоборствующее — соединяетъ,
а разнообразіе преображаетъ въ
гармонію,
гармонія возникаетъ изъ борьбы.

Молнія — кормчій.
Огонь очистительный.
А справа идетъ его братъ
война —
царь и отецъ всего,
властитель надъ богами и людьми,
творя новое право и новую жизнь,
указуетъ судьбу рабовъ и свободныхъ.

Вѣчная распря —
война
движетъ весь міръ,
распредѣляетъ долю.
И все возникаетъ изъ распри и судьбы.

Все совершается въ кругѣ судьбы.
Всякій свѣтъ побѣждаемъ,
свѣтъ же послѣдняго суда неизбѣженъ.
И куда убѣжишь отъ осіянности?

Сама судьба полагаетъ предѣлъ
совершенія:
безмѣрно взлетѣвшій, низко падетъ.
И каждому — по его потребѣ духовной:
ослы солому предпочтутъ золоту.

Все совершается въ кругѣ судьбы
Люди, звѣри и камни родятся, ростутъ,
чтобы погибнуть,
и погибаютъ, чтобы родиться.
Всякій гадъ бичемъ Бога пасется.

И сила судьбою становится правомъ.
Въ началѣ была сила,
по судьбѣ сила стала правомъ.
Право правитъ вселенной,
силой давя на человѣка.

Раззореніе права — пожаръ.
И его ты залей скорѣй, чѣмъ пожаръ!

Въ началѣ была сила,
по судьбѣ сила стала правомъ.
И что бы сталось безъ права?
Хаосъ, распаденіе, пыль.
Да станетъ народъ за право,
какъ за родныя стѣны!

О, судьба! О, всемогущая!
О, великое единство пути!
вверхъ и внизъ,
спасенія и гибели!
Кто тебя минуетъ, кто тебя избѣжитъ?
Не слабые духомъ, слѣпленные изъ
грязи,
свиньи въ золотѣ,
куры, купающіяся въ пыли и золѣ.
О, судьба! О, всемогущая!
Кто тебя минуетъ, кто тебя избѣжитъ?

*

На кручу по кремнистой тропѣ взбираюсь —

Глазамъ моимъ больно и колетъ: слишкомъ всматривался я въ лица людей, слишкомъ долго испытывалъ.

Голосъ увялъ мой отъ сдавленныхъ жалобъ и зажатыхъ проклятій.

Сердце мое обожжено.

На кручу по кремнистой тропѣ взбираюсь —

Тучи несутся подъ вѣтромъ по холодному небу. И какъ пеленутый дымъ, лица плывутъ.

Ухожу все дальше — не вижу, не слышу.

Ступаю по шлакамъ острымъ — не чую — приближаюсь къ краю.

Вотъ я на самой вершинѣ и подъ моей стопой закованный клокочетъ огонь.

Духу легче—душа высыхаетъ—и прояснился мой разумъ.

Звѣзды горятъ.

„Вождь мой! Я душа человѣчья, укажи мнѣ источникъ. Я жажду!“

Металлическимъ звукомъ — щелканье стали о камень—зазвенѣлъ путеводный голосъ.

Ты найдешь налѣво отъ дома Аида источникъ, близь же него бѣлый стоитъ кипарисъ. Къ источнику даже близко не подходи.

А вотъ и другой, онъ возлѣ болотъ Мнемосины. Съ шумомъ течетъ ледяная

вода, окруженная стражами. Ты имъ скажи:

— Я дитя земли и звѣздныхъ небесъ, родъ мой оттуда, какъ вамъ это извѣстно. Жажду и гибну. Дайте напиться воды ключевой изъ болотъ Мнемосины!

Стражи дадутъ тебѣ пить изъ источника свѣта, и станешь тогда ты царствовать съ мудрыми вмѣстѣ.

И моя душа ступила въ свѣтлый кругъ.

Къ вамъ я пришла отъ чистыхъ рожденная, чистая духомъ, къ вамъ, о, Царица подземныхъ, Аидъ, Діонисъ, добрый совѣтчикъ, ко всѣмъ вамъ, безсмертные боги.

Сбросивши тѣло земное, по-истинѣ я изъ вашего рода благословенныхъ боговъ. И лишь въ одѣяніи плоти меня побѣдила судьба и земные безсмертные боги.

Все же ушла я изъ тѣла, изъ безконечнаго скорбнаго круга, легкой стопой я помчалась за вѣчно желаннымъ вѣнкомъ.

И въ отвѣтъ душѣ я слышу возгласъ подземныхъ безсмертныхъ.

Радуйся, будь благословенна, скорбная отстрадавшая душа. Отнынѣ отбыла ты срокъ наказанія. Изъ смертнаго метущагося человѣка стала ты сама богомъ. Ты томишься отъ жажды, какъ козленокъ, упавшій въ молоко.

Радуйся нынѣ!
Радость твоя безпредѣльна.

III. 1918 г.

ОГНЕННАЯ РОССІЯ

памяти Достоевскаго

Достоевскій — это Россія.

И нѣтъ Россіи безъ Достоевскаго.

И въ послѣдній страшный часъ, если суждено такому страшному часу, въ внезапную послѣднюю минуту на послѣдній зовъ и судъ — кому же? — только онъ, только онъ одинъ выйдетъ за Россію, станетъ одинъ, скажетъ одинъ за всѣхъ — мучающихся, страждущихъ, смрадно-грѣшныхъ, но младенчески любящихъ — за Россію бунтующую, отчаянную и безнадежно несчастную (вѣдь, развѣ бунтующій можетъ быть счастливъ!) за убивца — за весь русскій народъ.

— Суди насъ, — скажетъ судіи, — если можешь и смѣешь.

И изъ впалыхъ, болью испепеленныхъ глазъ, какъ искра, блеснетъ огонь.

Какое изгвожденное сердце — ни одно человѣческое сердце не билось такъ странно и часто, безудержно и изступленно —

— и чѣмъ тише былъ мѣсяцъ — огромный круглый мѣднокрасный мѣсяцъ глядѣлъ прямо въ окно — тѣмъ сильнѣе стукало сердце и даже больно становилось.

Кто, откуда пришелъ онъ?

Пройдя какіе квадрилліоны пространствъ — отблескъ и отвѣй какого страшнаго премудраго духа, пустыннаго огненнаго духа-искусителя, держащаго ключи отъ человѣческаго счастья.

И куда?

На какую Голгофу — безъ срока —

Чтобы словомъ содрогнуть души человѣческія, зажечь землю и, если суждено такому страшному часу, дать отвѣтъ за всю боль и грѣхъ человѣка, за Россію бунтующую и безнадежно несчастную.

⁂

Подъ разливной звонъ и клепъ гоголевскихъ колокольцевъ, сквозь пушкинскую лазурь — Россіи безподобной и вдохновенной, Россіи волшебной, калядной и війной —

избы черныя-пречерныя, а половина избъ погорѣла, торчатъ одни обгорѣлыя бревна. На дорогѣ бабы, много бабъ, цѣлый рядъ, все худыя, испитыя, какія-то коричневыя лица. Вотъ особенно одна съ краю, такая костлявая, высокая, кажется, ей лѣтъ сорокъ, а можетъ, и всего-то только двадцать, лицо длинное, худое, а на рукахъ плачетъ ребеночекъ, и груди-то, должно быть, у нея такія изсохшія, и ни капли въ нихъ молока. И плачетъ, плачетъ дитя и ручки протягиваетъ, голенькія, съ кулаченками, съ холоду совсѣмъ какія-то сизыя.

— Что они плачутъ? Чего они плачутъ?

— Дитё, дитё плачетъ.

— Да отчего оно плачетъ?

— А иззябло дитё, промерзла одежонка, вотъ и не грѣетъ.

— А почему это такъ? Почему?

— А бѣдные, погорѣлые... на погорѣлое мѣсто просятъ.

— Нѣтъ, нѣтъ, ты скажи: почему это стоятъ погорѣлыя матери, почему бѣдны люди, почему бѣдно дитё, почему голая степь, почему они не обнимаются, не цѣлуются, почему не поютъ пѣсенъ радостныхъ, почему они почернѣли такъ отъ черной бѣды, почему не кормятъ дитё?

И пусть все освѣтилось —

Снѣгъ загорѣлся широкимъ серебрянымъ полемъ и весь осыпался хрустальными звѣздами — слышите Гоголя звонъ? — морозъ какъ бы потеплѣлъ, пѣсни зазвенѣли —

Ни пѣсенъ, ни звѣздъ. Все закрыто, зачернено, приглушено. И куда ни глянь,

одна костлявая неразлучная горькая разлучница мать-бѣда.

Притти въ міръ на просторную легкую землю Пушкина и Гоголя, и съ перваго же мига чья-то безпощадная рука хлеснула по глазамъ—такъ вотъ она какая легкая земля!

— Нѣтъ, если бы я имѣлъ власть не родиться, я не принялъ бы такого существованія.

Достоевскій увидѣлъ въ мірѣ судьбу человѣка — горше она горести послѣдней! — и не только человѣка: помните Азорку — ребятишки тащили на веревкѣ къ рѣчкѣ топить, а помните несчастную клячу, ея изсѣченные кнутомъ глаза, и даже неодушевленное этой стороной — илюшины сапожки, старенькіе, порыжѣлые, съ заплатками тамъ въ уголку передъ постелью —

Весь міръ передъ нимъ застраждалъ
— неотступно.

И чувствуетъ онъ, что подымается въ сердцѣ его какое-то никогда еще небывалое въ немъ умиленіе, что плакать ему хочется, что хочетъ онъ всѣмъ сдѣлать что-то такое, чтобы не плакало больше дитё, не плакала бы и черная изсохшая мать, чтобы не было вовсе слезъ отъ сей минуты ни у кого, и чтобы сейчасъ же, сейчасъ же это сдѣлать, не отлагая и несмотря ни на что со всѣмъ безудержемъ —

Но что можетъ сдѣлать для счастья человѣка человѣкъ?

Страданіе и есть жизнь, а удѣлъ человѣка — смятеніе и несчастіе.

И самое невыносимое, самое ужасное для человѣка — свобода: оставаться со своимъ свободнымъ рѣшеніемъ сердца это ужасно.

И если есть еще выходъ, то только черезъ отреченіе воли — вѣдь, человѣкъ-то бунтовщикъ слабосильный, собственнаго бунта не выдерживающій! — отреченіемъ воли, цѣпнымъ авторитетомъ, беззавѣтнымъ началомъ еще возможно въ мірѣ что-то поправить, сдѣлать человѣчество счастливымъ.

Да захочетъ ли человѣкъ-то такого счастья безмятежнаго съ придушеннымъ смѣть и съ указаннымъ хочу?

И сидитъ она тамъ за желѣзной рѣшеткой семнадцатый годъ, зиму и лѣто въ одной посконной рубахѣ и все аль соломинкой, аль прутикомъ какимъ ни на есть въ рубашку свою въ холстину тычетъ. А сидитъ съ одной только злобы, изъ одного своего упрямства.

Или ужъ ничего не подѣлаешь съ человѣкомъ?

Но вѣдь бунтомъ жить невозможно.

Какъ же жить-то, чѣмъ же любить— съ такимъ адомъ въ груди и адомъ въ головѣ?

*

И вдругъ ударилъ колоколъ — густой тяжелый колокольный звонъ.

Колоколъ ударялъ твердо и опредѣленно по одному разу въ двѣ или даже въ три секунды, но это былъ не набатъ, а какой-то пріятный плавный звонъ.

И я вдругъ различилъ, что это вѣдь звонъ знакомый, что это звонятъ у Николы въ красной церкви, выстроенной еще при Алексѣѣ Михайловичѣ, узорчатой, многоглавой и въ столпахъ и что теперь только что минула святая недѣля и на тощихъ березкахъ въ палисадникѣ уже трепещутъ новорожденные зелененькіе листочки.

Яркое предвечернее солнце льетъ косые свои лучи въ нашу классную ком-

нату, а у меня въ моей комнаткѣ сидитъ гостья.

Да, у меня, безроднаго, вдругъ очутилась гостья.

Я тотчасъ узналъ эту гостью, какъ только она вошла: это была мама—

Колоколъ ударялъ твердо и опредѣленно, но это былъ не набатъ——

Она вскинулась и заторопилась.

— Ну, Господи... Ну, Господь съ тобой... Ну, храни тебя ангелы небесные, Пречистая Мать, Никола угодникъ... Господи, Господи!—скороговоркой повторяла она, все крестя меня, все стараясь чаще и побольше положить крестовъ,—голубчикъ ты мой, милый ты мой. Да постой, голубчикъ...

Она поспѣшно сунула руку въ карманъ и вынула платочекъ, синенькій, клѣтчатый платокъ съ крѣпко завязан-

нымъ на кончикѣ узелкомъ и стала развязывать узелокъ... но онъ не развязывался...

— Ну, все равно, возьми и съ платочкомъ: чистенькій, пригодится, можетъ, четыре двугривенныхъ тутъ, больше-то какъ разъ сама не имѣю... Прости, голубчикъ...

Я принялъ платокъ, хотѣлъ было замѣтить, что мы ни въ чемъ не нуждаемся, но удержался и взялъ платокъ.

Еще разъ перекрестила, еще разъ прошептала какую-то молитву и вдругъ—

И вдругъ поклонилась глубокимъ медленнымъ длиннымъ поклономъ

— никогда не забуду я этого! —

Такъ я и вздрогнулъ и самъ не знаю отчего.

Что она хотѣла сказать этимъ поклономъ: вину ли свою передо мной признала? — не знаю.

Полная восторгомъ душа его жаждала свободы, мѣста, широты.

Надъ нимъ широко, необозримо опрокинулся небесный куполъ, полный тихихъ сіяющихъ звѣздъ. Съ зенита до горизонта двоился еще неясный млечный путь. Свѣжая и тихая до неподвижности ночь облегала землю. Бѣлыя башни и золотыя главы собора сверкали на яхонтовомъ небѣ. Осенніе роскошные цвѣты въ клумбахъ около дома заснули до утра. Тишина земная какъ бы сливалась съ небесною, тайна земная соприкасалась со звѣздною.

Стоялъ, смотрѣлъ и вдругъ, какъ подкошенный, повергся на землю.

Онъ не зналъ, для чего обнималъ ее, онъ не давалъ себѣ отчета, почему ему такъ неудержимо хотѣлось цѣловать ее, цѣловать ее всю, но онъ цѣловалъ ее, плача, рыдая и обливая своими слезами, и изступленно клялся любить ее, любить во вѣки вѣковъ.

О чемъ плакалъ онъ?

О, онъ плакалъ въ восторгѣ своемъ

даже и объ этихъ звѣздахъ, которыя сіяли ему изъ бездны.

Какъ будто нити отъ всѣхъ этихъ безчисленныхъ міровъ Божіихъ сошлись разомъ въ душѣ его, и она вся трепетала.

Простить хотѣлось ему всѣхъ и за все, и просить прощенія, о! не себѣ, а за всѣхъ, за все и за вся —

И кто-то шепчетъ:

— Богородица — великая мать —

— Богородица — великая мать сыра земля есть. И великая въ томъ для человѣка радость. И всякая тоска земная и всякая слеза земная — радость намъ есть. А какъ напоишь слезами своими подъ собой землю на полъ-аршина въ глубину, то тотчасъ же о всемъ и возрадуешься. И никакой, никакой горести твоей больше не будетъ.

*

Трепетной памятью неизбывной, изступленіемъ сердца, подвигомъ, крестною мукой передъ крестомъ всего міра — вотъ чѣмъ жить и чѣмъ любить человѣку.

Достоевскій — это Россія.

Краснозвонная, отошедшая въ вѣчность, опѣтая моимъ горестнымъ Словомъ, и новая, еще не сказавшаяся, буйно подымающаяся изъ праха, безудержная —

И нѣтъ Россіи безъ Достоевскаго.

Россія нищая, холодная, голодная горитъ огненнымъ словомъ.

Огонь плануль изъ сердца неудержимо.

Взойду я на гору, обращусь я лицомъ къ востоку — огонь,
стану на западъ — огонь,
посмотрю на сѣверъ — горитъ,
и на югѣ — горитъ,
припаду я къ землѣ — жжетъ.

Гдѣ же и какая встрѣча, кто перельетъ этотъ вспланный неудержимый огонь —

из-гор-имъ!

Тамъ, на старыхъ камняхъ, на дорогихъ могилахъ Европы встрѣтитъ огненное сердце ясную мудрость.

И надъ просторной изжаждавшей Россіей, надъ выжженной степью и грозящимъ лѣсомъ зажгутся ясныя вѣрныя звѣзды.

11 II 1921 г.

КНИГИ АЛЕКСѢЯ РЕМИЗОВА

ПОСОЛОНЬ. Сказки. Съ рис. Н. П. Крымова. Изд. „Золотое Руно". М. 1907. (*Распродано*).

МОРЩИНКА. Сказки. Съ рис. М. В. Добужинскаго. Изд. „Шиповникъ". Спб. 1907. (*Распродано*).

ЛИМОНАРЬ. Апокрифы. Изд. „Оры". Спб. 1907. (*Распродано*).

ПРУДЪ. Романъ. Изд. „Сиріусъ". Спб. 1908. (*Распродано*).

ЧТО ЕСТЬ ТАБАКЪ. Гоносіева повѣсть. Съ рис. К. А. Сомова. Изд. „Сиріусъ". Спб. 1908. Въ 25-ти им. экз.

ЧАСЫ. Романъ. Изд. „Eos". Спб. 1908. (*Распродано*).

ЧОРТОВЪ ЛОГЪ. Разсказы. Изд. „Eos". Спб. 1908. (*Распродано*).

РАЗСКАЗЫ. Изд. „Прогрессъ". Спб. 1910. (*Распродано*).

СОБРАНІЕ СОЧ. ВЪ 8-и ТОМАХЪ. Съ портр. автора рис. М. В. Сабашниковой. Изд. „Шиповникъ" - „Сиринъ". Спб. 1910—1912. (*Распродано*).

ПОДОРОЖІЕ. Разсказы. Изд. „Сиринъ". Спб. 1913. (*Распродано*).

ДОКУКА И БАЛАГУРЬЕ. Сказки. Изд. „Сиринъ". Спб. 1914. (*Распродано*).

ВЕСЕННЕЕ ПОРОШЬЕ. Разсказы. Изд. „Сиринъ". Спб. 1915. (*Распродано*).

ЗА СВЯТУЮ РУСЬ. Разсказы. Съ рис. Н. К. Рёриха. Изд. „Отечество". Прг. 1915. (*Распродано*).

УКРѢПА. Сказки. Изд. „Лукоморье". Прг. 1916. (*Распродано*).

СРЕДИ МУРЬЯ. Разсказы. Изд. „Сѣверные дни". М. 1917 г. (*Распродано*).

НИКОЛИНЫ ПРИТЧИ. Сказанія. Скл. изд. „Парусъ". Пб. 1917. (*Распродано*).

НИКОЛА МИЛОСТИВЫЙ. Николины притчи. Изд. „Колосъ". (Коробейникъ № 10). Прг.—М. 1918. (*Распродано*).

СТРАННИЦА. Повѣсть. Изд. „Революціонная Мысль". Прг. 1918. (*Распродано*).

РУССКІЯ ЖЕНЩИНЫ. Сказки. Изд. „Скиѳы". Пб. 1918. (*Распродано*).

О СУДЬБѢ ОГНЕННОЙ. Слово. Съ рис. Е. Гуровой. Изд. „Сегодня". Прг. 1918. (*Распродано*).

СНѢЖОКЪ. Сказка. Съ рис. Е. Туровой. Изд. „Сегодня". Прг. 1918 (*Распродано*).

СИБИРСКІЙ ПРЯНИКЪ. Сказки. Изд. „Алконостъ". Пб. 1919.

ЭЛЕКТРОНЪ. Отъ словъ Гераклита ефесскаго. Изд. „Алконостъ". Пб. 1919.

БѢСОВСКОЕ ДѢЙСТВО. Представленіе. Изд. „ТЕО". Пб. 1919.

ТРАГЕДІЯ О ІУДѢ. Изд. „ТЕО". Пб. 1919.

ЦАРЬ МАКСИМИЛІАНЪ. Театръ. Изд. „Алконостъ" — „Госиэд." Пб. 1920.

ЗАВѢТНЫЕ СКАЗЫ. Изд. „Алконостъ". Пб. 1920.

ЦАРЬ ДОДОНЪ. Сказка. Съ рис. Л. Бакста. Изд. Обез. вел. вол. пал. Пб. 1921.

ШУМЫ ГОРОДА. Разсказы. Изд. „Библіофилъ". Ревель 1921.

ОГНЕННАЯ РОССІЯ. Изд. „Библіофилъ". Ревель 1921.

Trükikoda „EKR", Tallinnas, Liiwalaia tän. 48.